

ОТ «ХРОНО-ТОПОСА» К НЕ-ФИЛОСОФИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕЙ Б.Е. КОЛУМБАЕВА ЧЕРЕЗ ПРОЕКТ ФРАНСУА ЛАРЮЭЛЯ

Шарипов А.

магистр гуманитарных наук

Сопоставление мыслительных проектов Б.Е. Колумбаева и Франсуа Ларюэля на наш взгляд является продуктивным, поскольку они радикализируют вопрос о границах философского дискурса и о том, как мысль соотносится с пред-философским опытом (с тем, что Колумбаев называет «сон-временем», «ничто», «душевно-духовным самостоянием», а Ларюэль именуется «Реальным/Одним», «радикальной имманентностью», «философским Решением», «односторонней дуальностью», «клон-мышлением») [1].

Цель настоящей статьи – провести строгое не-философское чтение текстов Б. Колумбаева. Для этого необходимо:

- Выделить ключевые понятия и аргументативные узлы в работах «Хроно-топос человека» [2], «К творчеству...!» [3] и «Антроподицея» [4].

- Реконструировать ядро не-философии Ларюэля по французским первоисточникам и авторитетной русскоязычной литературе.

- Показать, что происходит с колумбаевскими мотивами, если читать их как материал философии, подлежащий не-философскому клонированию (в ларюэлевском смысле) [5].

Ларюэлевская оптика для анализа выбрана не случайно. С одной стороны, тексты Колумбаева демонстрируют интенцию «рассистематизации» – заявленное стремление избавляться от рацио- и антропоцентризма, недоверие к «системо-созиданию», выбор формы вопрошания и само-проблематизации; с другой стороны, именно эта анти-системность уязвима к не-философской критике, поскольку она может оставаться вариантом «философского Решения», то есть скрытой операции, которая всё равно устанавливает привилегированное отношение мысли к Реальному (например, через «вечность», «абсолютную истину», «не-знание»), пусть и под видом поэтико-эсхатологического языка [6].

Метод сравнения строится вокруг трёх последовательных операций.

Во-первых, внутренняя реконструкция идей Колумбаева, предполагающая извлечение устойчивых семантических узлов (время/пространство; сон/наяву; душа/дух/разум; ничто; оттуда-сюда/отсюда-туда; тавтология истины; свобода воли; творчество/информация; человечество/человек) и способов их сцепления.

Во-вторых, каноническая реконструкция не-философии Ларюэля, включающая философское Решение как структуру философствования, Реальное/Одно как радикальную имманентность, одностороннюю дуальность и клонирование философии как материала, то есть превращение философии из судьбы Реального в объект описания/пере-функционирования [7].

В-третьих, собственно не-философское чтение Колумбаева, в рамках которого мы предполагаем (как гипотезу чтения), что его ключевые различия можно трактовать как односторонние дуальности, определяемые без взаимной симметрии (а не как диалектические пары и тем более трансцендентальные условия опыта).

Понятийный каркас Колумбаева. Ключевой жест Колумбаева в «Хроно-топосе человека» – смещение фокуса с традиционной метрики «пространство + время» к тезису о primatus времени и о производности пространства («мы застаём себя не из пространства во времени, но из времени в пространстве»; «пространство дано нам из времени» [2, с.7]). Этот разворот сопровождается критикой привычных схем, в которых пространственно-временной континуум фиксируется как нейтральная рамка, и с подозрением к тому типу рациональности, который «укладывает» человека в пространство и тем самым редуцирует его до «объективируемого».

Важно, что время у Колумбаева не просто физическая величина, оно приобретает статус экзистенциально-метафизического условия, связанного с душой, с опытом «встречи времени» и, особенно, со сном как модусом, в котором происходят «открытия» и предупреждения [2, с.122]. Его мысль последовательно тяготеет к формуле, согласно которой время открывает возможности, которые в пространстве реализуются как свобода, а в пределе – как свобода воли.

Сюда же относится построение анти-системы (анти-построение системы). Автор прямо описывает свою установку как движение «в открытом поиске», как вопрошание, где мысль «пропадает

в ничто» [2, с.178]. Это методологически существенный момент: в колумбаевском письме «ничто» работает не только как тема, но и как принцип письма, как разрежение связности ради обнаружения того, что не схватывается концептуально (и потому возвращается как вопрос).

Во всех трёх работах повторяется структура, в которой душа и дух образуют вертикаль (или складку), где разум лишается статуса суверенного «центра». В «Хроно-топосе» это формулируется как посредничество, когда «душа в духе опосредствует разум в “ничто”», а из «ничтошной точечности» человек раскрывается в «душевно-духовном самостоянии» [2, с.187]. Здесь обнаруживается анти-когитальная установка, в рамках которой субъект не обосновывает себя через рациональное самополагание, а обнаруживает себя как существо, проходящее через опыт исчезновения (пропадания) мыслей и через разрыв привычной рефлексии.

В Антроподицее этот узел радикализируется через противопоставление «не-знания» и «познания»: «не-знание относится к миру свыше, а познание – вселенская иллюзия», и мы «знаем о незнании из сна»; человек «есть-есть» из «не есть»; мотив «вечного возвращения» связывается со сном и с повторяемостью, ведущей к «рождению из этого мира» [4, с.56]. Здесь «ничто» и «не-знание» предстают как откровенная эпистемологическая инверсия. Знание становится вторичным, а истина связанной с тем, что не может быть познано как объект.

В работе «К творчеству...!?» та же инверсия проводится через критику психологизма и культурологического описания («ни души, ни времени нет без творчества»), а творчество понимается как способ «соприкосновения с вечностью во времени», как переход от случайности к свободе и как самопожертвование (отдача души), а не производство культурных артефактов [3, с.11]. Показательно, что Колумбаев связывает конец «классического творчества» с эпохой информации и утверждает необходимость нового рождения человека как «вселенского существа» (космического по предназначению).

Одно из наиболее устойчивых колумбаевских различий – пара направлений «отсюда-туда» и «оттуда-сюда». Эта пара указывает на линию человеческого усилия, морального/творческого долженствования, проектирования и выхода из обыденности. Линию призыва, нисхождения, «голоса свыше», возвращения вечности в опыт и в язык. Эту пару нельзя редуцировать к простому религиозному дуализму «земное/небесное». У Колумбаева она работает как оператор критики современности: социальный мир, «общественность», постмодерная одновременность и информационная насыщенность описываются как ловушка, из которой «выбираться» можно только перестройкой самого отношения к времени и к себе.

Понятие «антроподицеи» у Колумбаева следует понимать буквально как «оправдание человека», но не в классическом теологическом смысле оправдания Бога (теодицея) и не в смысле этического оправдания индивида. В колумбаевской конструкции оправдывается человек как превышающий человечество, как призванный к единству/единичности, и как способный встретиться с «абсолютной истиной» через особую тавтологию, тавтологию истины. «Тавтология истины» здесь выступает как способ удержать истину вне дискурсивного развертывания и вне доказательной машины.

Истина не выводится, она «подразумевается», «снится», «проверяется» состояниями (одновременности/междумирья/предупреждения). Эта «тавтологическая» форма окажется ключевой точкой для не-философской интерпретации.

Не-философия Ларюэля. Ларюэль вводит понятие философского Решения (*décision philosophique*) как структурную операцию, через которую философия устанавливает свой доступ к Реальному. Она разделяет (расщепляет) и одновременно синтезирует, то есть производит «мир философии», где Реальное оказывается доступным лишь как уже интерпретированное, «принятое в решение». Со стороны Ларюэля это можно интерпретировать как жест критики иллюзорности и авторитарности «самодостаточной философии» (*principle of sufficient philosophy*), которая претендует быть последней инстанцией по отношению к другим практикам и знаниям [8].

Важно, что не-философия у Ларюэля не равна отрицанию философии. Это не «анти-философия», а дисциплина, которая делает философию своим материалом и пытается «заставить мысль работать иначе», именно поэтому не-философия часто описывается как позитивный проект объяснения бессилия философии «в Реальном», а не как разоблачительная критика отдельных доктрин [9].

Ключевой не-философский аксиоматический тезис гласит, что Реальное как Одно не является объектом, не является сущностью, не является горизонтом, который можно достичь философским усилием; оно «дается-без-данности» и радикально имманентно, то есть не нуждается в философской операции трансценденции [10].

Одно из центральных технических понятий Ларюэля – односторонняя дуальность (*dualité unilatérale*), которая описывается как «не-картезианская теория субъекта», где растворяется смешение

Это и субъекта и устанавливается их односторонняя дуальность (то есть не взаимное отношение, а отношение, где один полюс определяется «в последней инстанции» другим) [5]. Принцип односторонней дуальности корректно рассматривать одновременно как антропологический и как языковой, задающий способ говорить о субъекте без классической философской рефлексии, которая стремится обосновать себя в зеркале собственных понятий.

Не-философия предлагает не столько новую систему, сколько процедуры. Одна из них характеризуется как «клонирование» философии, то есть, превращение философских концептов в материал для не-философского использования (без принятия их претензии на суверенную истину). В позднем дискурсе Ларюэля это оформляется как «философия non-standard», в рамках которой мысль моделируется (в том числе через мотивы квантовости/алгебраичности), где философия теряет статус суда и становится объектом формализуемой практики [9]

Первый не-философский шаг состоит в том, чтобы не оценивать с колумбаевское понятие «оттуда-сюда» в режиме «верно/неверно», а задать вопрос: является ли «оттуда» у Колумбаева именем трансцендентного (то есть иной сферы, по отношению к которой «сюда» вторично), или же это может быть понято как имя радикальной имманентности (ларюэлевского Одного), которое принципиально не является «иным миром», но определяет мысль без взаимности?

Если принять вторую гипотезу чтения, то пара «оттуда-сюда / отсюда-туда» перестает быть симметричной «дорогой туда и обратно» и становится односторонней дуальностью. В таком случае можно прочесть «оттуда-сюда» как определение в последней инстанции, когда Реальное (как Одно) дает условие мысли без того, чтобы мысль могла вернуть это условие в виде знания/репрезентации. Тогда «отсюда-туда» становится философским Решением в колумбаевском варианте, попыткой мысли (через творчество, долженствование, самопознание) выстроить путь к истине, который всё ещё может сохранять философскую структуру привилегированного доступа.

Эта интерпретация делает видимым напряжение внутри текста Колумбаева. Он одновременно утверждает первичность «оттуда-сюда» (призыв, сон, не-знание, абсолютная истина) и сохраняет нормативную риторику пути/долженствования/спасения, то есть «отсюда-туда». Не-философия позволяет нам сказать, что вторая линия – остаток философской достаточности, первая – жест против неё.

Следующее понятие «тавтологии истины» особенно близко не-философии, поскольку Ларюэль противопоставляет философскому доказательству и философской «судебности» аксиоматическую установку не выводить Реальное, а исходить из него и затем описывать философию как материал. Однако различие все же присутствует: у Колумбаева тавтология выступает как форма удержания «абсолютной истины» (в горизонте вечности, сна, души), то есть она может оказаться не только методологией, но и новым «местом суверенности» (суверенности истины-тавтологии); у Ларюэля же аксиома обслуживает процедуру, где философия перестает быть инстанцией истины, не становясь новой метафизикой.

Не-философское клонирование колумбаевской тавтологии можно выразить так: тавтология – это не «истина сама по себе», а оператор, который выключает философскую рефлексию (решение) и переводит высказывание в режим «описания без претензии на последнюю инстанцию». Тогда формула «есть-есть» из «не есть» в «Антроподицее» читается как не-философский симптом, в котором мысль пытается удержать человеческое как определяемое иначе (а не через философские различия бытия/небытия и знания/незнания). При такой трактовке «тавтология истины» становится ближайшим аналогом не-философской «аксиоматической ереси», отказа играть по правилам философского доказательства [11].

Б.Е.Колумбаев систематически связывает истину с состояниями сна (мы узнаем о незнании из сна; сон – это предупреждение; открытия происходят во сне; «междумирье» как зона перехода; одновременность и разновременность сцеплены с сонностью/просонью). Не-философское прочтение может усилить это. В ларюэлевской оптике допустимо сказать, что сон у Колумбаева – модус не-философского «снятия Решения», потому что сон размыкает философский субъект (Эго), делает невозможным классическое самополагание и возвращает мысль к состоянию, не обладающему привилегией интерпретации. В материалах, посвященных позднему Ларюэлю, подчеркивается задача описания «структур обычного человека» и отказ от логоцентрической феноменологии [12]. Не-философия требует удерживать радикальную имманентность, сон не должен превращаться в трансцендентальный канал к истине или мистическую эпистемологию. Здесь пролегает различие: Колумбаев часто формулирует «сон» как место предупреждения «свыше», то есть допускает вертикаль трансценденции. Можно предложить компромисс – трактовать сон не как источник содержания истины, а как индикатор режима, в котором философская самодостаточность распадается, тогда

колумбаевский сон становится не доказательством вечности, а способом показа прекращения философской претензии на контроль. Проще говоря, мысль сталкивается с тем, что она не производит (и не присваивает), а именно – с Реальным как с «данным без данности».

Колумбаевская антропология строит внутреннюю иерархию: разум не автономен, он опосредован душой «в духе» и склонен к заблуждениям, тогда как «душевно-духовное самостояние» открывает человека. В не-философской рамке это можно реконструировать как попытку разорвать философскую фигуру Эго. У Ларюэля дуальность Эго и субъекта мыслится как односторонняя (субъект не выводится из Эго, а «силой мысли» (*force (de) pensée*) определяется иначе, чем философское Я). Если клонировать колумбаевскую структуру, то «душу» можно трактовать не как субстанцию и не как теологическую величину, а как имя для «силы мысли», оторванной от философского самополагания. Тогда «дух» у Колумбаева мог бы выступить аналогом «режима» или «уни-вселенной» не-философского мышления (не в смысле мировой души, а как формального поля). Общее место проектов Колумбаева и Ларюэля – разоблачение эго-центризма и попытка описать человека «иначе».

Б.Е.Колумбаев утверждает «конец творчества» как классического феномена и одновременно утверждает, что «творчество должно быть» как задача рождения человека и отдачи души, особенно на фоне информационной эпохи. Здесь можно усмотреть интенцию перевода творчества из эстетики в этику (и даже в эсхатологию). Не-философия не сводится к эстетике, но допускает фикциональные процедуры как средства описания философии-мира без подчинения ей. Не-философское прочтение колумбаевского «творчества» можно сформулировать так: «творчество» не привилегия гения и не культурная продукция, а практическая процедура, которая меняет статус философии в жизни обычного человека.

Нефилософское чтение Б.Е.Колумбаева, на наш взгляд, дает три существенных результата.

Первый результат – диагностический. Он показывает, что колумбаевское письмо, при всей анти-системности, несет в себе внутренний конфликт, разыгрывающийся между жестом «размыкания Решения» (сон, не-знание, ничто, тавтология) и жестом новой «вертикальной достаточности» (абсолютная истина, свыше, оправдание, телеология рождения и бессмертия). То есть, в терминах Ларюэля, Колумбаев одновременно приближается к не-философскому режиму и вновь делает выбор, который философски санкционирует особый доступ к Реальному.

Второй результат – продуктивно-конструктивный. Не-философия предлагает способ удержать силу колумбаевских мотивов, не превращая их в метафизику (трактовать сон как индикатор распада философской самодостаточности, трактовать тавтологию как аксиоматический оператор, трактовать понятие «оттуда-сюда» как имя одностороннего определения). Такой перевод делает возможной «генерическую антроподицею», описательную практику, в которой философия перестает быть судом над человеком, и человек перестает быть заложником философской идентичности.

Третий результат – критический по отношению к самой не-философии. Тексты Колумбаева демонстрируют, насколько не-философии трудно работать с поэтико-эсхатологической интонацией. Там, где Ларюэль стремится к процедурной строгости и к формализуемому описанию философии-мира, Колумбаев удерживает внутренний опыт как незаменимый момент истины. Не-философия рискует редуцировать этот опыт до материала, тем самым обедняя смысл колумбаевской этико-экзистенциальной напряженности. Этот риск нельзя снять методологически; его можно только признать как границу интерпретации.

Сравнительный анализ показывает, что Колумбаев интересен как мыслитель, который интуитивно атакует философскую достаточность и антропоцентрическую самоуверенность; Ларюэль же дает инструментарием, позволяющим превратить эту интуицию в дисциплинированную процедуру чтения, которая выявляет скрытые решения и открывает возможность «мыслить человека иначе, чем философски».

Список литературы

1. Laruelle, F. *Philosophie et non-philosophie*. Bruxelles : Éditions Mardaga, 1989. 256 p.
2. Колумбаев Б.Е. *Хроно-топос человека*. Караганда: Изд-во НАО Карагандинский университет им. Академика Е.А. Букетова, 2021. 318 с.
3. *К ТВОРЧЕСТВУ...!? ОЧЕРКИ ТВОРЧЕСТВА ВО ВСЕЛЕНСКОМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ЧЕЛОВЕКА*. Караганда: Изд-во НАО Карагандинский университет им. Академика Е.А. Букетова, 2022. 631 с.
4. Колумбаев Б.Е. *Д Антроподицея*. Караганда: Изд-во НАО Карагандинский университет им. Академика Е.А. Букетова, 2024. 491 с.

5. Laruelle, F. *Principes de la non-philosophie*. Paris: Presses Universitaires de France, 1996. 376 p.
6. Гогтишвили Л. А. Принцип односторонней дуальности в не-философии Ф. Ларюэля: антропологическое измерение и языковой генезис // *VOX: Философский журнал*. 2015. Вып. 19 (декабрь). С. 1–17.
7. Ларюэль Ф. Представление не-философии // *Философия и культура*. 2011. № 4. С. 99-105.
8. James, I. Review of: Laruelle, F. *Philosophy and Non-Philosophy* // *Notre Dame Philosophical Reviews*. 2013. 248 p.
9. Dennes, M., O'Maiolearca, J., Schmid, A.-F. *La Philosophie non-standard de François Laruelle: actes du colloque « La philosophie non-standard de François Laruelle »* (Cerisy-la-Salle, 3–10 septembre 2014). Paris: Classiques Garnier, 2019. 40 p.
10. Галле Б., Ларюэль Ф. Интервью с Франсуа Ларюэлем, не-философом // *Еще один*. 2024. Т. 1, № 1. С. 311–333.
11. Брасье Р. Аксиоматическая ересь: не-философия Франсуа Ларюэля / пер. З. Неустроева // *Insolarance*. 2023. 27 мая. URL: <https://insolarance.com/axiomatic-heresy/> (дата обращения: 23.02.2026).
12. Laruelle, F. *From Decision to Heresy: Experiments in Non-Standard Thought* / ed. Robin Mackay. Urbanomic; Sequence Press, 2012. P. 1–32